

УДК 321 (470+571)

Региональная политическая власть в современной России: конфликтологический аспект

Валерий Владимирович Меньшиков

Кубанский государственный университет, Россия
350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Доктор политических наук, профессор
E-mail: valerij.menshickov@yandex.ru

Аннотация. В статье дана авторская трактовка региональной политической власти. Определены модели региональной власти в постсоциалистической России в итоге сравнения стадий ее развития. Раскрыты формы конфликтов в системе региональной власти 1990–2012 гг.

Ключевые слова: региональная политическая власть; современная Россия; конфликт.

Введение. Власть означает способность и возможность одной социальной группы либо ряда групп реализовывать свои публично значимые потребности и интересы, оказывать определяющее волевое воздействие на распределение благ в масштабе всего общества и деятельность. Средствами власти выступают авторитет, право, насилие, убеждение, поощрение, традиции. Интегративными качествами власти следует считать отношения господства–подчинения между индивидами и социальными группами, закрепленные в общественных нормах и институтах, воспроизводящиеся вследствие социальной стратификации.

Материалы и методы. Институциональный подход к власти имеет разнородные трактовки и сложную динамику развития. В центре внимания находятся формальные и неформальные организации, принуждающие индивидов соблюдать установленные «правила игры» и действовать либо бездействовать помимо своей воли. Алгоритм политологического исследования власти подразумевает:

- выяснение декларированных и реальных принципов взаимодействия акторов власти;
- сравнительный анализ практик реализации разделения и взаимодействия властей на уровне регионов России;
- определение баланса дивергенции и унификации в развитии органов государственной власти субъектов федерации.

Неоинституциональные теории власти можно разделить на теории рационального выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, Д. Норт) [1], исторический институционализм (Т. Стокпол, Б. Мур, К. Телен) [2], социологические теории институтов (Ф. Селзник, Дж. Коулман) [3]. Для всех неоинституциональных теорий характерна трактовка власти как социально-детерминированного феномена, акцент на анализе неформальных отношений и практик, а не формально-правовых структур.

Обсуждение. Политическая власть своеобразна по сфере действия, по субъектам и методам, по объему полномочий. Это система институционально закрепленных общественных отношений на основе господства социальной группы либо ряда групп, использования ими публичных полномочий для неравного распределения ресурсов в интересах и по воле своих участников. Субъектами политической власти являются не только государство и его органы, но и политические элиты, группы интересов, правящие партии, лидеры, общественные объединения.

Политическая власть не тождественна государственной власти; они представляют собой пересекающиеся множества. В федеративных государствах, к которым относится современная Россия, публичная власть имеет двухуровневое строение, закрепленное конституционно. Федеральный (общегосударственный) и региональный уровни государственной власти образуют единую систему, но их полномочия законодательно гарантированы. Органы государственной власти субъектов федерации имеют закрепленные полномочия и предметы ведения; они формируются путем выборов. Система органов

государственной власти субъектов федерации закрепляется в федеральном «рамочном» законодательстве. Его принципы и нормы конкретизируются в конституциях (уставах) субъектов федерации. Представительство интересов населения субъекта федерации обеспечено в общенациональном парламенте.

В соответствии с ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации одним из принципов федеративного устройства РФ выступает разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов РФ. Последовательное проведение принципа разграничения предметов ведения и полномочий означает определение приоритетов регулирования. В основу разделения предметов ведения в действующей Конституции России положен принцип кооперации.

Региональная власть своеобразна ввиду пространственного объема. Она представляет собой подсистему государственной власти, а значит, проводит в жизнь стратегию «центра» [4], служит средством распространения инноваций. Но одновременно региональная власть выражает (непоследовательно и корыстно) интересы сообщества, сглаживает централизаторские импульсы «сверху», поддерживает определенную автономию своего курса и строения. С.В. Бирюков называет такое поведение посредническим. Региональная власть обеспечивает баланс политических интересов, учет требований сообщества в управленческих решениях. Тем самым обеспечивается двойная легитимность власти региона: перед лицом и населения, и власти общенациональной. Эффективное существование региональной власти означает, что она обеспечивает горизонтальную и вертикальную интеграцию элитных группировок. Причем политические элиты не сводятся к правящим слоям государственных служащих, а означают всю совокупность высокостатусных страт сообщества, которые могут реально влиять на принятие политических решений и участвуют в распределении ресурсов власти. В России особенно велика роль неформальных обменов ресурсами, административного предпринимательства, «сетей» негласных отношений между госаппаратом и бизнес-слоями [5].

Политическое властвование как процесс предполагает, согласно работам С.В. Бирюкова с нашими уточнениями [6]:

1) институты публичной власти (законодательные, исполнительные и судебные органы, принципы их строения и деятельности, совещательные структуры взаимодействия с элитными группировками);

2) систему формальных и неформальных взаимодействий акторов политики;

3) набор средств и приемов, технологий политического управления.

Современная Россия – одна из стран быстрых трансформаций региональных органов власти. Как известно, за время трансформаций 1989–2012 гг. применялись две концепции системы органов власти. Первая из них, принятая XIX Всесоюзной конференцией КПСС в 1988 г., означала ограниченную либерализацию власти. Вводились частично конкурентные выборы. Разграничивались полномочия Советов народных депутатов и комитетов КПСС на всех территориальных уровнях. Реальная власть в субъектах федерации стала переходить от первых секретарей областных (краевых) комитетов КПСС к председателям обл(край)советов. Но по персональному составу это оставались те же члены региональных коммунистических кланов, лишь более молодые, прагматичные и еще не «насытившиеся» властью. Сценарий антиноменклатурной революции, приводивший к власти путем выборов лидеров демократической оппозиции, состоялся в считанных регионах: Москве, Ленинграде, Свердловской области. Элементы разделения властей в системе обновленных Советов (1989–1993 гг.) прослеживаются в повышении роли пленарных заседаний Советов по сравнению с исполкомами. Также вводились должности председателя Совета (с законодательными функциями) и председателя исполкома Совета (с исполнительными функциями). В условиях нарастающего хаоса, а затем распада СССР и быстрой децентрализации РСФСР система Советов порождала острые институциональные конфликты между назначенными главами администраций и председателями региональных Советов, между территориальными уровнями власти, между государственными институтами и общественными объединениями.

Летом–зимой 1991 г. начинается становление разнородных систем власти в регионах России. Этот процесс вызван импульсами конфедерализации и, в менее радикальном варианте, договорного федерализма в республиках РФ [7]. Большинство республик избрало смешанную систему правления с прямыми выборами Президента и формально сильным

законодательным органом.

Пришедшие к власти после провала ГКЧП радикально-демократические силы столкнулись со слабостью своей поддержки в регионах, что порождало опасения «коммунистического реванша». Возобладала доктрина «исполнительной вертикали» власти. Она выразилась в отстранении от должностей председателей региональных Советов, поддержавших ГКЧП. Тогда же Президент России Б.Н. Ельцин подписал Указ №75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» [8]. По нему исполнительные функции власти в регионах (за исключением республик) передавались главам администраций. Они назначались Президентом страны по согласованию с Советом народных депутатов региона. Исполкомы Советов распускались.

Ключевая ошибка, приведшая к закреплению авторитарных полномочий губернаторов, – отказ от срочных выборов глав исполнительной власти регионов. В отношении республик федеральные структуры даже попыток такого рода не предпринимали. Президиум Верховного Совета РСФСР назначил на 24 ноября 1991 г. выборы глав администраций областей и краев. Но они не состоялись из-за противодействия Президента РСФСР. Напротив, Съезд народных депутатов России установил годичный мораторий на выборы в регионах органов власти всех уровней, тем самым затормозилось формирование конкурентной политической системы и ее институтов: партий, избираемых публичных лидеров.

Возможности «конверсии» Советов в парламентаризм по мировым стандартам были. В.Я. Гельман обращает внимание на нормативную основу такого развития [9]: федеральный закон «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» от 5 марта 1992 г. Закон утвердил двойную отчетность глав регионов – перед Верховным Советом и Президентом РФ, двойную отчетность администраций (правительств) – перед региональным Советом и главой администрации. Совет получил право обжаловать акты глав регионов и приостанавливать их действие до решения суда; выражать недоверие главе региона с требованием к Президиуму РФ или в Конституционный Суд о его отставке. Глава администрации наделялся правом вето на решения Совета. Но вето преодолевалось простым большинством народных депутатов [10]. Съезд народных депутатов РФ в декабре 1992 г. принял решение подтвердить полномочия тех глав администраций, чьи кандидатуры согласованы с региональными Советами. Остальные губернаторы должны или получить санкцию регионального Совета на правление, либо назначить выборы глав региона. Во всех 8 случаях альтернативные выборы 1992–1993 гг. кончились для действующих «назначенцев» поражением [11].

Итак, обновленная система Советов создавала набор «сдержек и противовесов» в отношениях и с федеральными властями, и с назначенными губернаторами. При дальновидной и демократичной стратегии федерального «центра» возможна была плавная конверсия системы 1989–1993 гг. в полноценное смешанное правление. Но традиции нетерпимости и единовластия имели слишком большую силу. Радикальное противостояние Президента РФ и Верховного Совета РФ привело к доминированию исполнительной ветви в системе разделения властей, в т.ч. на уровне регионов. Пресекая возможность обновления региональных Советов на демократической основе, исполнительная власть проводила политику двойных стандартов. Республикам позволялось реанимировать архаичные институты; проводить безальтернативные выборы своих президентов; создавать правовые системы, противоречащие российскому законодательству и т.п. Персонализированная власть главы администрации края (области) или президента республики стала «проекцией» президентского режима, установленного во всероссийском масштабе.

Вторая концепция системы органов государственной власти наметилась в ряде Указов Президента РФ о роспуске региональных и местных Советов (октябрь–ноябрь 1993 г.), а приобрела законченные черты в новой Конституции России от 12 декабря 1993 г. Эти акты являлись формой импорта институтов западной демократии: разделения властей, свободных многопартийных выборов, сильных полномочий Президента. Но заимствования сочетались с российскими традициями – персональной власти главы региона, с краткосрочными выгодами федерального центра от «раздачи суверенитета» в оплату за лояльность региональных элит.

Конституция РФ оговаривает лишь общие принципы строения системы

государственной власти на региональном уровне:

- верховенство федеральной системы законов и единство системы исполнительной власти;
- разделение властей;
- федерализм и его проявления, прежде всего – разграничение предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, обеспечение самостоятельной реализации полномочий региональными органами власти.

Многие аспекты строения регионального уровня власти предстояло определить законодателям субъектов РФ, что открыло путь резкой диверсификации региональных систем органов власти. Президент РФ наложил вето на принятие Уставов субъектов федерации путем всеобщего голосования жителей регионов. С 1994 г. Уставы принимались голосованием законодательных собраний, что уменьшило легитимность актов и сделало их создание подконтрольным.

Наиболее политически значимые нормы федеральных законов конституций и уставов регионов, повлиявшие на выбор модели разделения властей в 1993–1995 гг., таковы:

- уменьшение состава законодательных (представительных) органов региона с 250–300 до 50 депутатов (республики сохранили право превышать число депутатов сверх 50);
- максимум 40% депутатов вправе работать на постоянной основе, что порождало неравенство статусов и ресурсов влияния, служило способом контроля депутатов исполнительной властью;
- администрация либо правительство региона формируется главой исполнительной власти, ему же подотчетна;
- реальная, а не формальная власть концентрируется в руках высшего должностного лица субъекта федерации, до 1995–1996 гг. назначаемого Президентом РФ, избираемого всенародно в 1996–2004 гг. и с 2012 г., в 2005–2012 гг. – избираемого косвенным путем;
- высшее должностное лицо подотчетно Президенту РФ (с 2001 г. может быть отстранено от должности по указу Президента РФ). Но законодательный орган субъекта федерации не вправе объявлять импичмент либо отстранять от должности губернатора;
- глава исполнительной власти подписывает и обнародует законы, принятые легислатурой региона; может наложить вето на региональный закон (преодолевается 2/3 голосов депутатов) [12];
- в большинстве регионов до 2004 г. действовала мажоритарная избирательная система, что резко затрудняло институционализацию партий в региональных собраниях.

Представительная выборка случаев разделения властей изучена А.С. Кузьминым, В.Д. Нечаевым и Н.Дж. Мелвином [13]. Конституции и уставы 31 субъекта федерации исследовались на предмет распределения законодательных и иных полномочий между ветвями власти. Индикаторами служили порядок формирования администрации (правительства) и его отставки, контроль парламента над администрацией, роспуск парламента, право вето, формирование бюджета, право издавать указы с силой закона, исключительное право законодательной инициативы, право вынесения вопросов на референдум [14].

Большинство регионов имело слабые полномочия парламентов (Хабаровский и Приморский края, Астраханская, Ивановская, Курская, Омская, Ростовская области, Краснодарский край). Из регионов с формально сильными законодательными органами для многих характерен однопартийный состав депутатов (Адыгея, Амурская, Кемеровская области). В ряде регионов есть и сильные полномочия, и многопартийность депутатов, но глава администрации избирался без серьезной конкуренции (Карелия, Коми, Татарстан, Саха-Якутия). На наш взгляд, только 1/3 легислатур сочетала весомые реальные и формальные полномочия.

В.Д. Нечаев предложил иное, политико-культурное объяснение дивергенции систем на основе модели диффузии новшеств [15]. Инициатором новшеств выступает федеральный центр. Региональные элиты могут отвечать на импульсы развития различным образом:

- ко-инновативная реакция (новшества центра дополняют региональные починны);
- пассивная (региональная власть меняется под воздействием центральной, а поток внутренних требований и поддержки слаб);
- традиционалистская (поток внутренних запросов достаточно силен, чтобы противостоять новшествам).

К концу 1990-х гг. сложился плюрализм типов разделения властей в регионах. В итоге все исследователи пришли к выводу о большом разнообразии региональных институтов в 1990-х гг., об их сформированности ко времени первых выборов губернаторов (1996–1997 гг.), о высокой устойчивости систем. Влияют на симбиоз ветвей власти тип экономической и социальной структуры, этнический и религиозный состав региона. Тип разделения властей сам по себе не является признаком силы либо слабости законодательных органов. Для постижения политического значения модели разделения властей требуются дополнительные индикаторы: объем формально-правовых полномочий ветвей власти и их неформального влияния.

Менялась ли федеральная политика по вопросам разделения властей в регионах? Да, и эти изменения усиливали авторитаризм региональной власти в обмен на лояльность. Так, 3 октября 1994 г. Президент РФ издал указ о продлении моратория на выборы губернаторов. 17 сентября 1995 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин продлил мораторий до конца 1996 г. Президент РФ рекомендовал законодательным органам регионов продлить свои полномочия до конца 1997 г. Тем самым обеспечивался лояльный корпус законодателей и губернаторов на время федеральных думских и президентских выборов.

Президент РФ и Федеральное Собрание РФ затягивали принятие российского закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». Этот конституционный закон обсуждался 5 лет и был принят только 6 октября 1999 г., в начале путинских реформ. Закон впервые дал определение системы органов государственной власти регионов. Она состоит из законодательных органов, высшего исполнительного органа и иных органов государственной власти региона в соответствии с его конституцией либо уставом. Закон определяет общие принципы деятельности системы: соблюдение Конституции РФ и ее верховенство на всей территории России, единство системы государственной власти, разделение властей, разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями власти, самостоятельность осуществления полномочий органами власти и местного самоуправления [16]. Закон впервые включил республики РФ в единую систему с другими регионами страны. Именно этот закон во многом стал основой преодоления сепаратизма и конфедерализма 1990-х гг. Но и он политически противоречив, т.к. усиливает начала моноцентризма региональной власти, дает перевес исполнительной «ветви» власти.

Часто противопоставляются региональные режимы власти 1990-х и 2000-х гг. Необходимо углубить анализ с внешнего уровня «вектора» политики на внутренние уровни факторов и причинной обусловленности. Тогда, как доказывают К. Мацузато и В.С. Авдонин, противоположность меняется на преемственность трансформаций [17]. Централизация вызрела благодаря переделу рынков после дефолта 1998 г., оживившему межрегиональный обмен ресурсами. Ряд регионов «вскрыт» проникновением крупного бизнеса, который либо овладевал институтами власти, либо выстраивал «параллельную» теневую власть вопреки нелояльным главам регионов [18]. Корпорации нуждались в предсказуемых и «расчищенных» от регионального хаоса правилах развития. Другая сторона той же медали – потребность федеральной политической элиты в жестком контроле над регионами. При слабости внешних рычагов воздействия логично создать промежуточный уровень влияния (федеральные округа), закрепить власть лояльных губернаторов.

Как изменились конфликты в системе региональной власти за 2000–2012 годы?

1. Создан новый уровень власти – федеральные округа. Институт полпредов Президента РФ позволяет координировать действия органов федеральной власти (ФСБ, МВД, прокуратуры, налоговых служб) в регионах. Тем самым возник новый конфликт: между полпредствами и администрациями регионов.

2. Федеральные институты власти обещают поставить глав регионов под единообразный контроль. Однако на деле моноцентризм режимов и их корпоративные тенденции усилились при условии подчинения «центру» в стратегических делах. Этим не отвергается слом моновласти нелояльных региональных элит действиями федеральных органов.

3. Изменения российских законов о выборах региональных парламентов, о политических партиях сделали общепринятой смешанную избирательную систему. Ввиду

тенденций всероссийских выборов реформа резко повысила роль картельной «партии власти» и, возможно, лояльных оппозиционных партий.

4. Преобладающий тип властных коалиций – «сообщество элит» с доминирующим актором. Чаще распространены альянсы глав регионов и федерального центра при неформальном торге по объемам власти [19]. В.С. Авдонин показывает, что новая модель «сообщества элит» основана на двусторонних соглашениях центра с правящими «командами» регионов. Таковы: взаимная лояльность на выборах, право глав регионов избираться, отказ глав регионов вести самостоятельную публичную политику на федеральном уровне в обмен на статус исключительного партнера центра в своей вотчине [20].

Развитие регионов шло с осени 1999 г. при росте взаимовлияний федерального и регионального уровней власти. Коллектив авторов под руководством К. Мацузато в итоге описания региональных траекторий характеризует модель политических отношений «центр–субъекты федерации» [21]. В России территориальные уровни власти, взаимодействуя, образуют систему «касикизма». Она означает: лидеры и элиты каждого нижестоящего уровня мобилизуют электоральную поддержку для вышестоящих лидера и элит. Те, в свою очередь, оказывают поддержку регионалам и муниципалам в соответствии с ценностью затраченных ресурсов. Главные условия стабильности режимов – эксклюзивный статус глав регионов и сохранение пакта элит.

Общероссийская исполнительная власть требует от региональных режимов, прежде всего, лояльности на выборах и в иных проявлениях политического процесса. Федеральные институты готовы признать и поддержать моноцентристические режимы в регионах, если те проявляют лояльность.

Если региональные правящие акторы имеют ценные для федеральных органов власти ресурсы и политически лояльны, то они могут достигать статуса «эксклюзивного партнера» центра. В противном случае, тем более, если нижестоящие акторы расколоты, российские элиты могут стимулировать конкуренцию на уровне региона, выявляя сильнейшего актора. Тогда вступают в силу сценарии смены региональной правящей элиты под нажимом общероссийских институтов власти или идеологического «дрейфа» существующей элиты региона под нажимом извне. Первый вариант реализовался в Смоленской, Воронежской, Тверской областях, Санкт-Петербурге, Приморском крае, Якутии и др. Второй – в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа (кроме Ингушетии и Адыгеи) и Поволжья.

Заключение. Власть трактуется в качестве способности и возможности высокостатусных субъектов политики оказывать определяющее воздействие на распределение ресурсов в обществе, на поведение индивидов и их объединений. Политический ракурс исследования власти предполагает акцент на выявлении субъектов власти, их социально обусловленных политических интересов и стратегий деятельности, ресурсов влияния.

Модель взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации относится к президентскому типу разделения властей с ограниченно автономным статусом легислатуры. Данный тип определяется по совокупности индикаторов: статусу высшего должностного лица (губернатора), уровню контроля регионального собрания над администрацией, порядку формирования бюджета, порядку формирования и отставки администрации, кругу субъектов законодательной инициативы, праву вето на решения губернатора, степени партийного и идеологического плюрализма легислатуры.

Выявлено два основных этапа развития модели взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах РФ. Для 1992–1999 гг. характерно многообразие типов разделения властей и политического статуса органов власти в российских регионах. С осени 1999 г. по настоящее время возобладал президентский тип разделения властей с ограниченно автономным статусом легислатуры. Преобладает тенденция «принудительного консенсуса» органов власти субъектов РФ. Она объясняется как рецентрализацией государственной власти в России, так и распределением ресурсов власти внутри региональных сообществ.

Типы взаимодействия акторов региональной власти в России 1990–2000-х гг. можно классифицировать по степени конфликтности (консенсус, компромисс, конфликт), а также

по направленности (межрегиональные взаимодействия координации и центр – региональные отношения субординации). В силу территориальной и политико-культурной неоднородности России взаимодействия испытывают ряд устойчивых «барьеров коммуникации»: противоречие между правовыми нормами и политическими практиками, слабую интегрированность общества «по горизонтали», авторитарные методы принятия решений. Формами взаимодействия акторов являются электоральное поведение, федеративные отношения, патрон-клиентарные обмены ресурсами в рамках корпоративных сетей, массовое участие в политике. К началу 2000-х гг. вектор территориальных политических процессов меняется: от хаотической децентрализации к рецентрализации власти. В этом отражается упрочение государственно-корпоративной модели политических отношений.

Примечания:

1. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
2. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология. М., 2006. С. 17-31.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3; Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. №3. С. 11.
4. Бирюков С.В. Региональная политическая власть: от концептов к интегративной модели // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. №1. С. 20.
5. Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 1999; Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Полис. 2000. №1. С. 52.
6. Бирюков С.В. Региональная политическая власть: от концептов к интегративной модели // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. №1. С. 23-24.
7. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105.
8. О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: Указ Президента РСФСР №75 // Российская газета. 1991. 31 августа.
9. О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. // Российская газета. 1992. 20 марта; Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105.
10. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105; Регионы России в 1997 году: Приложение к «Политическому альманаху России» / Сост. Н.В. Петров. М., 1998.
11. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105.
12. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 145-147.
13. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 146-149.
14. Нечаев В.Д. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et Contra. 2000. Т.5. № 1. Зима. С. 88-89.
15. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105.
16. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
17. Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная?: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. М., 2004. С. 7-9, 10-11.
18. Зубаревич Н.В. Изменения роли и стратегий крупного бизнеса в регионах России // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М., 2003.

С. 72-88.

19. Туровский Р.Ф. Динамика регионального политического процесса в России // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 82.

20. Авдонин В.С. Региональные выборы 2009–2010: тенденции и проблемы электоральных изменений // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010. М., 2011. С. 82.

21. Мацузато К. Предисловие // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная?: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. М., 2004. С. 9-12.

UDC 321 (470+571)

Regional Political Power in Today's Russia: Conflitological Aspect

Valery V. Menshikov

Kuban State University, Russia

Stavropolskaya street 149, Krasnodar city, Krasnodar Krai, 350040

Dr. (Political), Professor

E-mail: valerij.menshickov@yandex.ru

Abstract. The article introduces author's interpretation of regional political power, determines models of regional power in post-social Russia as a result of comparative analysis of its development stages, defines conflicts types within the system of regional power of 1990-2012.

Keywords: regional political power; today's Russia; conflict.